

А.В. Никандров

**Будущее цивилизации в российской политической науке
и американской идеологии и пропаганде:
А.С. Панарин против Ф. Фукуямы и С. Хантингтона**

Aleksey V. Nikandrov

**The future of civilization in Russian political science and
American ideology and propaganda: Alexander Panarin vs
Francis Fukuyama and Samuel Huntington**

Основной идеей статьи является противопоставление подходов к исследованию общих тенденций мирового развития в трудах российского ученого и политического мыслителя А.С. Панарина и западных идеологов и пропагандистов С. Хантингтона и Ф. Фукуямы. Это – не просто противоположность подходов, но и конфликт жизненных установок: любовь к науке и преданность ее идеалам А.С. Панарина контрастирует с ангажированностью двух наиболее влиятельных западных идеологов. А.С. Панарин, С. Хантингтон и Ф. Фукуяма являются авторами наиболее известных и влиятельных концептов геополитики, идеологии и риторики XXI в. Однако если концепт Панарина «стратегическая нестабильность в XXI в.» является научным понятием, то концепты «конец истории» и «столкновение цивилизаций» являются идеологемами, а, точнее сказать, пропагандемами, «ударными концептами». Особое внимание в статье уделяется С. Хантингтону как социально-политическому проектировщику. Автор раскрывает его роль как стратегического планировщика социальной динамики западного общества, которую он занял задолго до выхода в свет его работы о столкновении цивилизаций.

Ключевые слова: цивилизация, идеология, А. Панарин, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, «конец истории», «столкновение цивилизаций», «стратегическая нестабильность».

The main idea of the article is the analysis of opposite approaches to the study of general trends in global development in the works of the Russian philosopher and political thinker Alexander Panarin, on the one hand, and Western ideologists and propagandists Samuel Huntington and Francis Fukuyama, on the other. The author states not only the opposition of approaches, but rather the conflict of life attitudes. Affection for science and devotion to its ideals A. Panarin contradicts the prejudgment of the two most influen-

tial Western ideologists of our time. All of them, Alexander Panarin, Samuel Huntington and Francis Fukuyama are the authors of the most famous and influential concepts of geopolitics, ideology and rhetoric of the 21st century. However, if A. Panarin's concept of "strategic instability in the 21st century" is a scientific concept, then the concepts of "end of history" and "clash of civilizations" are ideological constructs, or, more precisely, propaganda stamps or "wrecking-ball" concepts. The author of the article pays special attention to S. Huntington and his role as a social change designer, strategic planner of the social dynamics of Western society, which he occupied long before the publication of his work on the clash of civilizations.

Keywords: civilization, ideology, Alexander Panarin, Francis Fukuyama, Samuel Huntington, "end of history", "clash of civilizations", "strategic instability".

Введение

Работы Ф. Фукуямы – статья «Конец истории?» (1998) [13] и книга «Конец истории и последний человек» (1992) – открывают одну из самых интеллектуально нагруженных дискуссий по вопросам тенденций мирового развития в XXI в. Работы С. Хантингтона – статья 1993 г. «Столкновение цивилизаций?» и одноименная книга 1996 г. [16], уже без знака вопроса, продолжают ее. Наконец, книга А.С. Панарина «Стратегическая нестабильность в XXI в.» (2003) [8], ставшая политическим завещанием ученого, в историософском смысле закрывает некоторые фундаментальные вопросы, поднятые первыми двумя авторами и выставляет диагноз сложившемуся положению в мировой политике. Фукуяма и Хантингтон будут привлечены только как идеологи-пропагандисты, в отвлечении от их практико-политической деятельности (за исключением некоторых аспектов деятельности Хантингтона). Все три произведения необходимо взять в их единстве: хотя работы Фукуямы и Хантингтона часто именно так и рассматривают, книга Панарина при этом не берется в расчет, – это упущение следует преодолеть.

Прогноз Фукуямы – благоприятный, Хантингтона и Панарина – неблагоприятный. Все три работы вместе в определенном историософском ключе суммируют историческую сущность всего XX в. – века противостояния двух метаисторических универсальных проектов, которые справедливо могут быть названы по именам своих глашатаев и пророков: В.И. Ленина и В. Вильсона, сформулировавших два мессианских «завета», – ленинизм (пролетарский интернационализм) и вильсонизм (либеральный интернационализм). Фукуяма, Хантингтон и Панарин поводят итоги этого противостояния, и, если взять квинтэссенцию всех трех работ, то получается так, что оба мегапроекта потерпели крах, – так можно судить на основании не только трех работ, но и всех событийных линий политики и политической мысли, как они сложились и к чему привели к настоящему моменту. Будущее светлым не стало – наоборот, оно все темнее и темнее. Вместо мира Ленина (коммунизм) или мира Вильсона, неумело нарисованного Фукуямой, установился «мир Хантингтона», или мир глобальной нестабильности, отсутствия порядка – мир не только неуютный, но и неразумный.

Суть различий в подходах и по существу работ трех авторов состоит в том, что если выводы из анализа динамики мирового развития, сделанные Панариным, были фундированы и произведены с помощью научных методов, то «выводы» Хантингтона и в особенности Фукуямы не были, собственно, выводами, но скорее специальными установками западных, прежде всего американских, геополитических стратегов, которые эти два идеолога *par excellence*, а вовсе не ученых, облекли в форму собраний «пророчеств». Нет поэтому ничего удивительного в том, что творения Хантингтона – мало кем, а Фукуямы – никем в современной политической науке не принимаются как *научные* произведения, но подвергаются критике как произведения сугубо идеологические и пропагандистские. Об этом свидетельствует давно уже констатированный упадок интереса к «трактату» Фукуямы о конце истории, упоминание которого редко обходится без улыбки (Фукуяма позже часто будет вспоминать о своем же произведении с иронией). Та же судьба ждет и произведение Хантингтона. Если ценность этих произведений определяется исключительно их идеологическим и пропагандистским статусом и направленностью, то капитальная работа А.С. Панарина «Стратегическая нестабильность в XXI в.», будучи подлинным образцом научно-политического творчества и результатом применения научного подхода и методов анализа, служит и будет служить настольной книгой для любого серьезного ученого, занимающегося проблемами геополитики, мировой динамики и т.д.

Для более детального установления и взвешенного анализа идеологической направленности работы Хантингтона о столкновении цивилизаций, которая все еще сохраняет свое влияние, будет произведено ее сравнение с небезызвестной ранее, но ныне почти забытой статьей об американской демократии в сборнике «Кризис демократии» 1975 г. [20], написанной, в числе иных, по специальному заказу Трехсторонней комиссии и имевшей целью концептуально обосновать демонтаж западной демократии и наметить методы по осуществлению этой цели, заданной мировыми стратегами. Если провести сравнительный анализ произведений 1975 и 1993/1996 гг., можно прийти к интересным и важным выводам относительно того, как на Западе проводятся идеологические наступления, как заказы стоящих в тени стратегов выдаются за результаты анализа реальных процессов, как создается и как работает на Западе идеология, если ее, конечно, можно так назвать.

А.С. Панарин о стратегической нестабильности XXI века: причины и прогноз

«Стратегическая нестабильность в XXI веке» – последняя работа А.С. Панарина. Она, по признанию коллег, стала политическим завещанием ученого. Книга посвящена раскрытию логики глобальной политической динамики

мира и разработке методов сопротивления «однополярной диктатуре». «Стратегическая нестабильность, по всей видимости, уже стала судьбой XXI в. – вопреки всем ожиданиям “стабильного развития” [8, с. 582], – таков вердикт Панарина. В работе представляется панорамная политологическая концепция, связывающая основные темы и мотивы научного творчества философа и предлагающая ряд решений ключевых проблем современности. В наши дни, когда «стратегическая нестабильность» стала общим местом геополитического дискурса и когда кажется, что она не кончится и в XXII в. и будет длиться вечно, российские ученые, политики и идеологи вновь и вновь поражаются, насколько точно сделано и как строго обосновано панаринское предсказание, – и насколько важно и полезно перечитывать его книгу. Надо сказать, что сам в высшей степени удачный панаринский термин стал настолько распространенным, что превратился в необходимый аналитический инструмент для исследования этой самой стратегической нестабильности.

Отправной вопрос, поставленный Панариным в самом начале книги, звучит так: «Но кто же будет проектировать стратегическую нестабильность?» [8, с. 577]. Кто и зачем – на эти вопросы и отвечает мыслитель. Он ссылается на собственный прогноз 1998 г., суть которого – в том, что «если победившая в холодной войне сверхдержава, не довольствуясь этой победой, продолжает свое наступление на все независимые государства во имя осуществления гегемонистской программы полного контроля над миром, то это означает, что она ведет мировую войну» [8, с. 582]. В 2003 г. сомнений именно в таком развитии событий не было, про наши дни не то чтобы доказывать, но даже и говорить об этом было бы странно – все совершенно ясно. Далее мыслитель прочерчивает, собственно говоря, *будущий* – он и для нашего времени пока что *будущий* – *итог* американской великодержавной стратегии: фиаско. Вот что говорит Панарин: «Мир слишком велик для того, чтобы управляться одной-единственной страной; кроме того, такие характеристики, как полицентризм и многообразие, являются необходимой предпосылкой выживания человечества. Тот, кто посягает на это, тем самым объявляет миру войну не на жизнь, а на смерть» [8, с. 584].

Тогда, в 2003 г., Панарин ставил два вопроса: «Первый: почему США решились на головокружительную мировую авантюру? Второй: почему мир пока что по-настоящему не сопротивляется?». – Ответ на второй не столь уже актуален, как на первый, ибо мир в лице России уже сопротивляется. Однако ответ на первый вопрос, который делает Панарин, несколько подзабыт. А он очень важен, и объяснение (точнее, идеологическая часть объяснения) Панарина более чем актуально в наше время. Да, причина продолжения авантюры залегает в области идеологии, как бы это ни странно звучало, когда мы говорим об Америке, которой, по общим представлениям, в большей степени присущ прагматизм, реализм, чем «идеологизм».

Однако «победа» в холодной войне была *par excellence* идеологической победой, – во всяком случае, она представлялась именно так (при этом автоматически вспоминается Фукуяма с его опусом). Но идеология, пишет Панарин, имеет не только наступательную, оправдательную и воодушевляющую своего «обладателя» силу в его руках: идеология всегда предполагает определенные «обязательства» по отношению к «своим» императивам. Идеология, настоящая идеология, – это не только тексты и лозунги, – это сила до известной степени самостоятельная: она предполагает и вменяет своим «держателям» некую, по выражению Панарина, «идеологическую одержимость». А одержимость в любом случае означает несамостоятельность, а также означает действия по принуждению со стороны той силы, которая «одерживает» своего «держателя».

«Воодушевляющая сила идеологий, – пишет Панарин, – неразрывно связана с их манихейской, бинарной структурой: они делят мир на два полюса – добра и зла, что обязывает сторону, воплощающую добро, к бескомпромиссному натиску и непрерывному наступлению. Здесь остановиться – значит отлучить самого себя от собственной идеологии... Связав свою судьбу с идеологией, вы становитесь на эскалатор, который несет все стремительней – к состоянию, в котором, как ожидается, зло будет искоренено, исчезнет с лица земли, из человеческой истории окончательно» [8, с. 592]. Но здесь возникает вопрос: поскольку идеологией Америки является либерализм, то как может эта уважаемая и спокойная по виду идеология, в первом и даже последующих приближениях чуждая всяческому мессианизму, иметь такую силу принуждения, что становится способной приобрести манихейско-апокалиптические черты и стать знаменем «праведного» похода во имя целей и ценностей, которые по определению не могут предполагать никакого фанатизма, «джихадизма». Однако, как выясняется, может: если в 2003 г. Панарин писал о том, что «победившее либеральное общество ведет мир в направлении, прямо противоположном тому, которое является нормативным для либеральной теории» [8, с. 838], то в 2024 г. ясно, что мир на этом скользком пути зашел уже слишком далеко.

Панарин говорит: «Сегодня самым идеологическим народом на земле, несомненно, являются американцы. Полнота их идентификации с новым великим учением объясняется тем, что по меркам этого учения именно они являются “избранным народом”, именно им вручена миссия и обещано конечное торжество. Поэтому и решения, которые принимает Америка, – это апокалиптические решения, отмеченные близостью окончательной развязки исторической драмы человечества. Мировая война за окончательное торжество либерального идеала во всем мире для США – то же самое, что мировая революция для большевиков первого призыва» [8, с. 596–597]. – Здесь мыслитель применяет свой излюбленный термин «либеральный джихад» [8, с. 597].

В наши дни именно эта идейная сила остается в фокусе американской политики, – при том, что собственно «американский гегемонизм» несколько приглушен: сейчас услышать об американской гегемонии удастся не часто. Гегемонизм и концепт «однополярного мира» спрятались за широкой спиной «наступательного либерализма», который при этом усилил свой натиск, – отнюдь не только идейный. Именно эта идеология стала решающим фактором объединения всего западного мира вокруг США – «личный» гегемонизм Америки, стремительно теряющий свою силу и актуальность, уже не может обладать такой скрепляющей силой. (В политической науке и идеологии Запада в последнее время стали утверждаться концепты вроде «сложной гегемонии» (“complex hegemony”) [11], что свидетельствует о том, что об американской гегемонии в собственном смысле речь уже не идет). Мир больше не однополярен – но «однополярен» новый гротескный и макабрический американский неолиберализм, полностью утративший былой универсалистский пафос. «Однополярная диктатура» заменяется глобальной «либеральной диктатурой» США – так, по словам Панарина, «американизм превращается из либеральной идеологии в идеологию глобальной диктатуры “приспособленного” меньшинства над “неприспособленным” мировым большинством» [8, с. 866].

Интересно, что наиболее ярким выражением этого «наступательного либерализма», как показывает Панарин и как особенно четко видно в наше время, стало возрождение и усиление социал-дарвинизма, – установки, которая в свое время (конец XIX – почти вся первая половина XX в.) прямо, к слову сказать, не контрастировала с классическим либерализмом, успевшим за это время трансформироваться в неолиберализм. Теперь это, по определению Панарина, – «американизированный либерализм, обретший черты социал-дарвинизма» [Там же].

Уже к концу XX в. эта «новая идеология отбросила “экономические” эвфемизмы и ввела в действие социал-дарвинистский арсенал прямо по назначению – т.е. применительно к населению» [8, с. 618], – и первому удару подверглась постсоветская Россия. Но, как знаем мы и как, вполне возможно, предполагал Панарин, дело Россией не могло ограничиться: в наши дни геополитический социал-дарвинизм применяется США – лидером западного мира – по отношению к остальному... западному миру, т.е. к своим «ведомым». Методы США, использованные после «победы» в холодной войне по отношению к России, теперь всю используют по отношению к тем, кто в свое время вместе с Соединенными Штатами входил в число «победителей». И все это осуществляется в логике «либерального джихада» Штатов – вопрос только в том, что только Америка назначает, кто сегодня «неверный», или, в другой терминологии, «варвар»: совершенно не исключено, и даже наоборот, дело идет к тому, что варварами будут назначены именно

те, кто немало веков назад начинал свое историческое бытие именно с этого (например, Германия, Франция, а в перспективе – и материнская Англия: мессианский либерализм не признает родства).

Стоит лишний раз подчеркивать, что американский идеологический «джихадизм» вселял ненависть у своих адептов к советскому коммунизму – альтернативной и историософски более логичной, значимой и обоснованной мессианской концепции. Это самоочевидно, однако кратко стоит остановиться на одном важном панаринском наблюдении и мысленно применить вывод ученого к реалиям наших дней. Вот что он говорит: «Все неистовства современной либеральной пропаганды против “советского империализма” и “русского мессианизма”, вся нынешняя профилактическая работа новых хозяев мира по искоренению самих корней такого поведения России в мире несут на себе печать этой травмы – оскорбленного самолюбия наглых, которым “положено”» [8, с. 836]. Что, собственно, изменилось? Отсутствие слова «советский» в содержании западной пропаганды вовсе не меняет ни направленности, ни интенсивности западного неистовства, сейчас доходящего до пароксизма.

Совсем не трудно заключить, что труд А.С. Панарина – это произведение настоящего ученого, который ищет причины и находит их, строит прогнозы, обосновывает выводы, – не менее легко увидеть, что его прогнозы сбываются, а основной вердикт удивительно точен и не может быть оспорен. Тут можно вспомнить и о том, как Панарин определял то, какие цели ставят и как их достигают «либеральные конструкторы нового мира» (подробнее об этом см.: [6]). Первая цель, поставленная «новым великим учением» и его адептами, – это десоциализация и деколлективизация личности. Личность атомизируется, общество же рассыпается, превращается в безликий конгломерат индивидов, т.е., в обратном переводе, атомов. Второй объект стирания – это народ, который как политическое целое не вписывается в идею и практику неолиберализма. Народ неотделим от своей истории, поэтому третья цель – история и ее смысл, «деисторизация» уже (или в потенци) дезинтегрированного народа. Фукуяма не зря говорил о конце *истории* – и одновременно о либеральной демократии. Последний объект атаки – это государство, на которое направляется ненависть неолиберальных «глобализаторов», «неистовая пропаганда глобалистов против национального государства»: «“Глобалисты” всеми силами стараются ослабить и дискредитировать национальное государство – именно за то, что оно мешает их глобальному хищничеству» [7, с. 9]. При этом демократические государства – те самые «демократии», которые, по Вильсону, не воюют друг с другом, – под прицелом особого внимания, особой напряженности: об этом будет сказано дальше, в связи с работой Хантингтона 1975 г.

Ликвидировав личность, общество, народ, историю, мораль, истину и культуру, – в итоге имеем уничтожение государства, что и требовалось американским «мегастратегам». Цель проста: все вышеперечисленное – личность, общество, культуру и пр. – нужно сначала превратить в товары. А купить или продать товар на «глобальном» рынке (и, разумеется, за доллары) – это совсем легкое дело. Что из этого реализовалось, а что реализуется и близко к полной реализации – все это нам показывают современные мировые события.

Итак, А.С. Панарин предельно четко и развернуто показал значение идеологии либерализма в американской глобальной экспансии. Все современные события жизни и мысли укладываются в логику панаринской концепции. Но все это заставляет нас вернуться в конец XX в., открыть «независимые» произведения Фукуямы и Хантингтона, – и взглянуть на них с точки зрения Панарина, его подхода, изложенного в «Стратегической нестабильности», – тем более что сам Александр Сергеевич в ней Фукуяме внимания не уделяет вовсе, а Хантингтону – мало, и так эти формально мыслители и идеологи, а не деле – пропагандисты – остаются в тени некоего молчания, с учетом вышеизложенного, очень многозначительного.

Ф. Фукуяма и «конец истории»

Пропагандистское произведение «Конец истории», претендующее на историософский трактат, сначала статья (1989), а затем и книга (1992), прославили американского политолога Фрэнсиса Фукуяму сверх меры. После выхода статьи и книги «концепция» конца истории стала на некоторое время одной из самых дебатированных, ею была вызвана целая волна критики. Как уже сказано, в наши дни творение Фукуямы подзабыто и интересно в основном в качестве интеллектуального курьеза давно прошедших дней. Собственно, «концепция» довольно-таки простая и представляет собой декларативное заявление о победе либерализма в связи с концом холодной войны.

Статья небольшая, но, в принципе, бóльшую часть ее содержания можно отбросить как несущественную, оставив пару-тройку абзацев: натужные усилия Фукуямы по подведению философского «обоснования» своего «вывода» и его ссылки на Гегеля и Кожева ничего, кроме сочувственной улыбки, не вызывают. Никакого смысла принимать это всерьез нет. Единственно, что может вызвать резкие возражения – странная интерпретация учения Маркса: Фукуяма не хочет вспоминать, в каком смысле тот говорил о «конце истории», и что говорил он о конце не истории, а предыстории, тогда как настоящая история человечества начинается с окончанием классовой борьбы, т. е. с уничтожением капитализма, с раскрытием подлинной сущности человека. («Нельзя не отметить, что Ф. Фукуяма не совсем корректен по отношению к К. Марксу,

который прямо указывал, что именно с коммунизма начинается подлинная история человечества, а до него общество переживает всего лишь свою предысторию», – справедливо утверждает В.П. Горюнов [2, с. 10]).

Понятно, что не то чтобы говорить, но даже и помыслить о конце капитализма для Фукуямы невыносимо, ведь он ведет речь как раз о его торжестве (впрочем, спустя некоторое время и Фукуяма будет рассуждать о конце постчеловеческой истории и т.п.). По словам Э.Я. Баталова, фукуямовская работа «не имела ничего общего с научным исследованием и, по сути дела, представляла собой ловкую пропагандистскую подделку» [1, с. 518]. Она, согласно выводу ученого, «оказывается на поверку не философской абстракцией в духе Гегеля, а всего лишь специфически выраженной *политической* конструкцией, призванной решить определенные идеологические и политические задачи» [1, с. 552]. Впрочем, Фукуяма мог бы применить учение Гегеля к неолиберализму, который при историчесофской решительности американского идеолога нетрудно представить как «финансовое гегельянство», в котором на место Абсолютного духа поставлен капитал.

Соль опуса Фукуямы – только в самом лозунге, в «возвещении» о победе либерализма как конце истории. Идеолог «констатирует», что после длительной борьбы с конкурирующими идеологиями либерализм западного образца, т.е. классический либерализм XIX в., выродившийся к концу XX в. в неолиберализм, одержал неоспоримую победу, равнозначную триумфу самого Запада: «Триумф Запада, западной *идеи* очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив... То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализация западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [13, с. 134–135]. Фукуяма далее пытается развернуть эту мысль, подвести под это «озарение» некий историко-политический базис, но, повторим, его философские потуги могут вызвать только отстраненную улыбку. Единственно, что в его рассуждениях действительно интересно, но крайне посредственно развернуто – это тезис о роли идей и идеологий в истории. Несколько преувеличивая и перефразируя, но не удаляясь далеко от текста Фукуямы, можно сказать, что базисом общества является как раз идеология: «Сознание – причина, а не следствие, и оно не может развиваться независимо от материального мира; поэтому реальной подоплекой окружающей нас путаницы служит идеология» [13, с. 137]. Идеи решают все – сама по себе идея, прямо скажем, не новая...

Концепт «конец истории» вошел в мировой политический дискурс. Поначалу опус Фукуямы был принят с восторгом, если даже не с экстазом: многим пришелся по душе его простодушный «либеральный оптимизм»: по словам М.С. Ельчанинова, «в атмосфере посткоммунистической эйфории либерально-утопические идеи Фукуямы вызвали на капиталистическом

Западе взрыв безмерного восторга. Отнюдь не случайно этот претенциозный текст стал сенсацией и вызвал широчайшие отклики во всем мире. Статья сопровождалась непрерывным восхвалением экономического и политического либерализма» [4, с. 75].

Конечно, у некоторых читателей произведение Фукуямы вызывало иронию уже тогда, особенно у интеллектуалов Западной Европы, которые на тот момент еще не ушли в закат: так, Э. Тодд пишет, что «гипотеза» конца истории «немало позабавила парижских интеллектуалов, пораженных упрощенным, но легкоусвояемым способом, каким Фукуяма использует Гегеля... Выдвинутая в момент крушения советской системы, такая модель человеческой истории была воспринята во Франции как типичный пример американской наивности и оптимизма. Того, кто помнит подлинного Гегеля, приверженного *Пруссии*, благоговевшего перед лютеранским авторитаризмом и обожествлявшего государство, представление его в роли демократа-индивидуалиста не могло не позабавить. Но именно такого приглашенного в диснеевских студиях Гегеля преподносит нам Фукуяма» [12, с. 17].

Вскоре первоначальный восторг быстро сошел на нет, а критика стала только нарастать. Однако критика и затем насмешки и сарказм скорее продвинули идею и ее автора, чем обесценили, и даже по сей день «каждый раз, когда в мире происходит катастрофа, находятся критики, которые сдувают пыль со статьи Фукуямы и с победоносным видом заявляют о ее несостоятельности» [18, с. 36]. Фукуяму уличают, он то и дело отказывается от своей первоначальной постановки или корректирует ее, – так продолжается этот интеллектуальный балет. Многие уже и забыли о смысле фукуямовской постановки и помнят только фразу «конец истории», считая это словосочетание сутью дела, – в этом разрезе «опровергать» незадачливого Фукуяму легко и приятно. Многие – но не все: достаточно влиятельной все еще остается идея о том, что идеология либерализма и в самом деле победила и что у нее и в самом деле не осталось конкурентов. В доказательство этого тезиса говорят: что, собственно, можно всерьез противопоставить либерализму, и разве кто-либо противопоставил ему столь же убедительную систему идей, некую сверхновую идеологию (политическую теорию) – не либерализм, не консерватизм и не социализм? На это легко можно ответить, что выдумывать какую-либо новую политическую теорию взамен социализма, который единственный и может вновь бороться с либерализмом за умы и сердца, никакой необходимости нет.

По словам М.С. Ельчанинова, «сегодня ясно, что концепция Ф. Фукуямы – изоциренный идеологический продукт, оправдывающий однополярный мир, в котором безраздельно доминируют воинствующие США и их послушные сателлиты» [4, с. 75]. Специфический американоцентристский характер пропагандемы Фукуямы подчеркивает и Э.Я. Баталов [1, с. 552],

а авторы статьи «Конец истории: концепт или идеологема» справедливо полагают, что «“конец истории” – это не концепт и не термин с присущими им строго определенными значениями, а идеологема, которой свойственны эмоциональная окраска, размытое значение, определяющееся политической прагматикой, противоречивое содержание, но главное – сопротивление, оказываемое попыткам систематической рефлексии» [18, с. 38].

Спорить тут не о чем, однако, как представляется, необходимо усилить эту мысль: «конец истории» – это даже не идеологема, а пропаганда, пропагандистский лозунг, клич. Как и любая иная пропаганда, она имеет свое назначение: убедить читателей в совершенстве и непогрешимости либерализма как идеологии и как практики, сконструировать либерализм уже не в качестве идеологии (раз уж эта идеология победила, то смысла в существовании в «новом мире» идеологии попросту нет, ведь идеологии определяются только по отношению друг к другу), а в качестве нового образца, эталона для политики и экономики всех стран, – т.е. идеала. Соответственно, передовой Запад во главе с Америкой полностью вписывается в этот эталон и сам является эталоном; те же страны, которые не приближаются к новому эталону, объявляются отстающими, догоняющими и т.д., но все же признается, что когда-нибудь и они достигнут «нового» идеала и новых «стандартов».

Как пролетариат у Маркса и Энгельса в силу своей победы прекращает собственное существование в виде пролетариата, смысл которого состоял том, чтобы быть антагонистом буржуазии, так и здесь либерализм в силу своей победы над противостоящими ему идейными силами прекращает свое бытие как идеология, становясь единственной властвующей системой экономической и политической мысли и жизни, единственной осмысленной системой идей. Борьба идеологий заканчивается – теряют свою силу и смысл сами идеологии: «...Если победила одна идеология, – пишет В.Н. Расторгуев, – т.е. один проект светлого будущего для всего человечества, то и морока с борьбой идеологий, т.е. конкуренция проектов, стала совершенно ненужной» [10, с. 219]. – С другой стороны, проникательный Э. Тодд, размышляя о «конце истории» Фукуямы, заметил, что «если демократия восторжествует повсюду, то мы в конечном счете придем к парадоксу: Соединенные Штаты как военная держава станут ненужными миру и должны будут смириться с ролью лишь одной из демократий, такой же, как и все прочие» [12, с. 19–20]. Понятно, что на деле для США благостное состояние, описанное Фукуямой, совершенно неприемлемо, – и здесь из мира Фукуямы с необходимостью обнаруживается выход в мир Хантингтона, в мир по непонятным имманентным причинам сталкивающихся культур и религий, т.е. цивилизаций.

С. Хантингтон и его конструкция мирового хаоса

Хантингтон с его статьей 1993 г. «Столкновение цивилизаций?» в “Foreign Affairs” считается и в некотором смысле является оппонентом Фукуямы, однако на деле он пытается «обосновать» ту же идею о гегемонии Запада и США, но несколько по-другому. Эпоха идеологий и идеологического противоборства, по Хантингтону (как и по Фукуяме), подошла к концу – но на смену приходит не всеобщее торжество либеральной демократии, а глобальное противоборство цивилизаций. Хантингтон – друг, единомышленник и соратник Бжезинского еще по «Кризису демократии» 1975 г., не может представить историю без какого-нибудь столкновения, без борьбы, но вот формы этой борьбы меняются, и он описывает – точнее, в прямом смысле слова *конструирует* – новую такую форму на неопределенное время. Суть борьбы и столкновения цивилизаций – в противоборстве Запада с цивилизациями, отличными от него. В этом и состоит отличие от фукуямовской «концепции» победы «всемирной либеральной демократии» (это выражение Хантингтона [16, с. 29]) – идеолог не считает, что либерализм победил даже и в мире «глобальных идей»: наоборот, другие цивилизации будут противостоять Западу также и как идейные центры иного типа.

Пропаганда столкновения цивилизаций выстроена и обоснована куда как более основательно и научно (или, скорее, квазинаучно), чем пропаганда конца истории. При этом надо отдать должное американскому идеологу именно как идеологу-пропагандисту: формула-лозунг «столкновение цивилизаций» вышла простой и понятной, как, собственно, и подобает лозунгу (в отличие от столь же простого по звучанию, но автоматически вызывающего вопросы и возражения девиза Фукуямы). Надо отдать и другую дань: автор «Столкновения цивилизаций» в 1970-е гг. не был жестким и непримиримым врагом СССР, как Бжезинский и иже с ним, – определенную гибкость и спокойствие сохранит он и в дальнейшем: его позиция по отношению к нашей стране не будет отличаться известной западной ненавистью и экзальтацией.

Работа Хантингтона в большей степени напоминает научный трактат, чем опус Фукуямы, однако Хантингтон *не приходит* к вердикту о столкновении цивилизаций как определяющей константе мировой динамики исходя из ее анализа, *но исходит* из этого постулата: «вывод» предшествует «анализу», а «анализ» служит просто иллюстрацией к исходному постулату. Причем рассуждения Хантингтона и представляемые им «цивилизационные расклады» подчас не очень-то и соответствуют картине «столкновения цивилизаций». И это совершенно логично, ведь мы имеем дело с псевдонаучным оформлением пропаганды, совершенной под видом разработки, по В.Н. Расторгуеву, «одной из наиболее известных, целенаправленно раскрученных и потому действительно влиятельных теорий» [10, с. 40]. Работа

Хантингтона, по мнению Расторгуева, с которым невозможно не согласиться, рассчитана «во-первых, на внедрение определенных идеологических установок в политический и геополитический дискурс, а во-вторых, на политическую индоктринацию массовой аудитории и, как следствие, на вытеснение и замену одних концептов другими в разговорном языке» [10, с. 404].

Что именно утверждает Хантингтон, как он конструирует постбиполярный мир и, соответственно, собственную новую глобальную «парадигму»? (Заметим, что Хантингтон настаивал на статусе парадигмы для своей концепции). «Возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях» [16, с. 13], – утверждает он. – «После холодной войны сложился многополюсный, многоцивилизационный мир, в котором нет того всеохватного, господствующего во всех сферах раскола, что существовал в прежние годы» [16, с. 416–417]. – Зато вместо идеологического появляется другой раскол: по линиям цивилизаций, вступающих в столкновение, когда «культура является силой одновременно и объединяющей, и вызывающей разнь» [16, с. 17]. – Тут следует привести две короткие, но очень важные ремарки известного российского политолога И.Н. Панарина: 1) «Хантингтон пытается геополитическое противоборство различных государств мира “вместить” в “прокрустово ложе” избранной им доктрины конфликта цивилизаций» [9, с. 391–392]; 2) «Заявления Хантингтона крайне спорны, так как культура еще никогда в истории не была источником конфликтов» [9, с. 386]. Как же американский идеолог конструирует свой мир противостояния культур?

Дело обстоит следующим образом: «Важнейшие страны мира принадлежат к совершенно различным цивилизациям. Наибольшую степень вероятности перерастания в крупномасштабные войны имеют локальные конфликты между группами государств из различных цивилизаций» [16, с. 25]. При этом центральный конфликт, который уже разворачивается и будет развиваться дальше, – это конфликт западной цивилизации с многочисленными незападными цивилизациями. Хотя Запад «есть и еще долгие годы будет оставаться самой могущественной цивилизацией» [Там же], его могущество будет уменьшаться. В течение долгого, по Хантингтону, времени будет происходить упадок Запада – параллельно возрастанию влияния азиатских цивилизаций и, возможно, ислама. Но этот печальный исход отодвигается идеологом в далекое будущее. Пока же в целом дела для Запада, уверяет он, обстоят неплохо – во всяком случае, на XXI в. [16, с. 123].

Итак, две пропагандемы, «конец истории» и «столкновение цивилизаций», очень хорошо дополняют друг друга логически и исторически: «концепция» Хантингтона следует за «концепцией» Фукуямы, как бы накладываясь на нее и продолжая ее тогда, когда смысл первой был уже исчерпан и утрачен. После 9/11 общественно-политической мыслью овладел Хантингтон, подхвативший пропагандистскую эстафету и сочинивший «новую песню о главном», Фукуяма же стал исключительно объектом иронии и сарказма. По Фукуяме, глобальный либерализм победил (перспективно) в рамках

всего мира, а по Хантингтону, либерализм окончательно победил в рамках Запада – где, впрочем, он и был победителем, только не столь блестящим. Мир Фукуямы довольно-таки оптимистичен, чего о мире Хантингтона сказать нельзя: его картина пессимистична – прежде всего в отношении судьбы Запада – как бы, вообще-то, «победителя» в холодной войне. Э.Я. Баталов после критического анализа умопостроений Фукуямы и Хантингтона приходит к выводу о том, что «ход событий не подтвердил претензий этих концепций на признание их в качестве теоретических моделей современной философии истории и философии политики, которые можно было бы поставить в один ряд с концептуальными построениями Тойнби и Шпенглера. В состязании на этом поприще “молодые” американцы вчистую проиграли “старикам”-европейцам» [1, с. 555].

Несмотря на уверения (самоуверения?) идеолога, что закат Запада возможен только в весьма отдаленном будущем, в тексте проскальзывают опасения, что это будущее теоретически (пока только теоретически) может стать не столь уж и отдаленным: вот поклонница Хантингтона М. Тэтчер домысливает эту тенденцию. С одной стороны, она пафосно заявляет: «Нравится вам это или нет, но в “холодной войне” победу одержал Запад. И все же главным победителем являются Соединенные Штаты» (цит. по: [5, с. 37]). Однако не все так замечательно – при этом, утверждает она, «события в мире после окончания “холодной войны” развиваются скорее в соответствии с тезисом Самьюэла Хантингтона из “Столкновения цивилизаций”, где противостоящие религии и культуры борются за господство, а не с прогнозом Франсиса Фукуямы из “Конца истории”, где демократия неизбежно одерживает глобальную победу» (цит. по: [5, с. 40]). – «Тем самым, – с учетом политического реноме Тэтчер завершает ее выводы А.И. Кирсанов, – М. Тэтчер не только призывает к гонке вооружений в ядерной сфере, о чем свидетельствует призыв к США испытывать и модернизировать ядерное оружие, но и готовиться к ядерной войне, так как, по ее мнению, в столкновении цивилизаций ядерное оружие, вероятно, будет применено» [Там же]. – Стоило, в самом деле, выигрывать в холодной войне, чтобы затем готовиться к ядерной... Странную все же «победу» одержал Запад!

При чтении «Столкновения цивилизаций» складывается впечатление, что ее автору не очень-то и нравится мир, который он в большей степени конструирует, чем описывает. Он то и дело тасует колоду цивилизаций-культур-религий – стержневых государств цивилизаций – примыкающих к ним государств: этот мир как раз и напоминает карточный домик. Идеологий в новом мире нет, а государственные интересы непонятным образом сочетаются с «интересами» цивилизационными, идеологии заменены на религии и культурные идентичности: как сильно отличается этот хаотичный полицентричный мир (а полицентричность и есть хаос) от старого доброго

биполярного мира с его четкой структурой и понятными перспективами, с его стабильностью и предсказуемостью – так порядок отличается от хаоса войны всех против всех! (Вообще, идеологема «столкновение цивилизаций» мало подходит как описание какого-либо порядка в каком-либо смысле – только как метафора хаоса).

Идеолог старается стремиться к некоторой беспристрастности, спокойствию, но в его произведении хорошо чувствуется выраженная ностальгия по старому миру. Да, сложно не согласиться с ремаркой И.Н. Панарина к «Столкновению цивилизаций» о том, что «Хантингтон восхваляет Запад, победивший в “холодной войне” СССР. Этот текст, по сути, Гимн победителя над СССР» [9, с. 397]. Однако при всем этом у читателя Хантингтона время от времени проскальзывает мысль: а стоило ли Западу вообще побеждать в холодной войне, и была ли эта «победа» победой, а не перспективным поражением? Что, собственно, выиграл Запад? Получается, что «выигрышем» стал хаос полицентричного неуправляемого мира. Странная победа хаоса над порядком, когда, по словам В.Н. Расторгуева, холодная война «вовсе не прекратилась после крушения “великого красного проекта”, демонтажа социалистического лагеря и всей биполярной геополитической системы, а сделала недолгую передышку перед новым витком» [10, с. 41].

Холодная война заменяется другим перманентным столкновением, с куда как более непредсказуемыми результатами, глобальной – и совсем не холодной – войной всех против всех, с куда как более опасной диспозицией для Запада. Ясно, что, словами И.Н. Панарина, «доктрина “столкновения цивилизаций” направлена на внешний мир» [9, с. 399]. Но есть ли у Хантингтона уверенность, что война цивилизаций обойдет западный мир; есть ли у него основания полагать, что полем битвы цивилизаций не станет Запад – во вторую, а, быть может, и в первую очередь? Разве Запад не расколот?

Если до своей странной «победы» Запад и в самом деле в некоторых аспектах представлял единую трилатеральную цивилизацию (или приближался к этому состоянию), то после крушения социалистического блока единство Запада все в большей степени распадается. Хотя единство цивилизации Запада для Хантингтона по виду не представляет сомнений, его слишком напряженные размышления и излишний пафос западной монолитности заставляют усомниться, так ли един Запад. Логика биполярной системы являлась силой, которая одна только сообщала западному миру общий смысл и давала единящую силу, – и это помимо собственных оснований единства. Все это обрушилось, все это исчезло. Отсюда и скрытая тоска Хантингтона по биполярной системе.

Но вот какое дело: ведь и сам Хантингтон в свое время был одним из де-конструкторов биполярного мира, причем вовсе не советской (как его коллега Зб. Бжезинский), а именно западной его части. Мы вновь возвращаемся к зна-

менитому сборнику «Кризис демократии» 1975 г. «В 1975 г., – рассказывает А.И. Фурсов, – увидел свет доклад “Кризис демократии”, написанный по заказу Трехсторонней комиссии С. Хантингтоном, М. Крозье и Дз. Ватануки. В докладе четко фиксируются угрозы положения правящего слоя – прежде всего против него начинают работать демократия и welfare state (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке... Вывод: необходимо способствовать росту невовлеченности (noninvolvement) масс в политику, развитию определенной апатии, умерить демократию... Ослабление демократии и среднего слоя предполагало ослабление базовых институтов капиталистического общества, по сути – их демонтаж» [14, с. 240].

В «Кризисе демократии» Хантингтон отвечал за США, Крозье – за Западную Европу, Ватануки – за Японию, – т.е. речь шла о тотальном переформатировании того, что тогда называлось Западом. Общее задание было сформулировано Збигневом Бжезинским. Этот доклад, как говорит А.И. Фурсов, «на несколько десятилетий становится идеологическим обоснованием раздемократизации Запада и своеобразным руководством к действию... “Кризис демократии” подвел черту под тридцатилетием демократии и открыл новую эпоху в истории Запада – противоположную “славному тридцатилетию” (Ж. Фурастье), означавшую возвращение капитализма, буржуазного общества ядра капсистемы к состоянию рубежа XIX–XX вв., к состоянию “железной пяты” (Дж. Лондон)» [15, с. 46]. С этого момента «политика стала превращаться в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса, а некоторые исследователи вообще констатируют ее смерть – ее и “публично-политического человека”» [14, с. 264]. К чему все это привело – перед нашими глазами. Теперь понятно также и то, что работы Хантингтона – это не просто панорамные картины будущего хаоса (как его статья в «Кризисе демократии», так и «Столкновение цивилизаций»), но тексты, написанные от лица и для глобальных планировщиков мировой динамики и со временем воплощенные в действительность.

Статья С. Хантингтона «Соединенные Штаты» (гл. 3), как и две другие, Мишеля Крозье «Западная Европа» (гл. 2) и Йоши Ватануки «Япония» (гл. 4), – это одновременно и программный текст, содержащий последовательность алгоритмов действий, и аналитический доклад по внутривнутриполитической проблематике, выполненный в форме вполне научного произведения, с использованием научной методологии, со ссылками на политических мыслителей: Хантингтон ссылается на работы Г. Алмонда и С. Вербы, Дж. Ролза, Д. Белла и др. Работа лишена пропагандистского содержания, она предполагалась быть (и стала) руководством к действиям, составленным теоретиком, специалистом по социальному программированию, планировщиком социаль-

ной динамики американского (в данном случае) общества для будущего переформулирования в конкретные пункты действий практиков социального моделирования (последовательность конкретики отлично прочерчивается в работе М.Г. Делягина «Конец эпохи» (2022) [3]). Да, западные демократии, которые к середине 1970-х гг. в серьезной степени приблизились к западным же идеалам демократического устройства, стали проблемой и препятствием для стратегов будущих «цивилизационных войн», и вот методы деструктуризации демократического общества были разработаны тем же политиком и идеологом, кто в 1993 г. возвестит городу и миру о том, что человечеству уготован хаос противостояния цивилизаций, – «мир Хантингтона», как его нередко называют. Ведь для установления безличностного, безгосударственного управляемого глобального социального конгломерата мало было отправить в прошлое биполярную систему, обрушив Советский Союз и социалистический блок, – необходимо было до этого отформатировать и подготовить для переустройства противостоящий ему блок, т.е. Запад. Интеллектуально-политический трактат «Кризис демократии» Бжезинского-Хантингтона-Кроузе-Ватануки и стал руководством для этого.

Небезынтересно, что в примечании к работе 1991 г. «Третья волна. Демократизация в конце XX в.» Хантингтон рассказывает: «11 февраля 1976 г. по просьбе руководителей ЦРУ я сделал для аналитиков управления доклад на тему “Глобальный упадок демократии”. Нужно сказать, что у меня имелись весьма убедительные теории, объясняющие всю глубину и серьезность данного явления» [17, с. 341]. Под этими «убедительными теориями» идеолог понимает свою работу 1975 г., на которую благожелательно ссылается [Там же]. – «Неожиданный» интерес ЦРУ к проблемам демократии в то время, а тем более в наши дни, вряд ли способен кого-то удивить.

Так многотрудные усилия западных идеологов и политических стратегов – а Хантингтон был из их числа самым серьезным – привели к странной и нелепой «победе» в холодной войне, вслед за которой эти же люди увидели ее плоды – хаос, бесконечную турбулентность, непредсказуемость, глобальные угрозы. С такой «победой» поздравлять не принято.

Никандров Алексей Всеволодович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Aleksey V. Nikandrov – Ph.D. in Political Sciences, Senior Research Fellow, Lomonosov Moscow State University.

119991, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia.

bobbio71@mail.ru

Список литературы

1. Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 616 с.
2. Горюнов В.П. Объективные основания синдрома конца истории // Научное мнение. 2012. № 10. С. 9–20.
3. Делягин М.Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. 1. Общая теория глобализации. М.: ИПРОГ: Книжный мир, 2019. 832 с.
4. Ельчанинов М.С. Основные концепции мирового порядка. Идеи и иллюзии на фоне эскалации глобального хаоса // Свободная мысль. 2023. № 6. С. 73–84.
5. Кирсанов А.И. С. Хантингтон о «столкновении цивилизаций» в контексте глобальных трансформаций // Философия и общество. 2008. № 3. С. 32–43.
6. Никандров А.В. Учение А.С. Панарина о глобальной нестабильности и современный «полицентричный» неолиберальный мир // Философия политики и права. Ежегодник научных работ. Вып. 11. Миссия России в мировом сообществе XXI века. К 80-летию со дня рождения А.С. Панарина. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2020. С. 182–203.
7. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Русский национальный фонд, 2000. 374 с.
8. Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
9. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. 560 с.
10. Расторгуев В.Н. Цивилизационный путь России: Избранные труды. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2022. 444 с.
11. Сафранчук И.А., Жорнист В.М., Несмашный А.Д. Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии» // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 1. С. 172–183.
12. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.
13. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
14. Фурсов А.И. Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М.: Книжный мир, 2015. 385 с.
15. Фурсов А.И. Демократия в системе капитализма: суть, фасад, демонтаж // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 42–48.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2024. 640 с.
17. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
18. Цуркан Е.Г., Погожина Н.Н., Щербакова Е.В. Конец истории: концепт или идеология // Философия и общество. 2023. № 2. С. 32–48.
19. Huntington S.P. The United States // The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki. N.Y.: New York University Press, 1975. P. 59–118.
20. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki. N.Y.: New York University Press, 1975. 221 p.

References

1. Batalov E. Ya. Amerikanskaya politicheskaya mysl' XX veka. M.: Progress-Traditsiya, 2014. 616 s.
2. Goryunov V.P. Ob'yektivnyye osnovaniya sindroma kontsa istorii // Nauchnoye mneniye. 2012. № 10. S. 9–20.

3. Delyagin M.G. Konets epokhi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! T. 1. Obshchaya teoriya globalizatsii. M.: IPROG: Knizhnyy mir, 2019. 832 s.
4. Yel'chaninov M.S. Osnovnyye kontseptsii mirovogo poryadka. Idei i illyuzii na fone eskalatsii global'nogo khaosa // Svobodnaya mysl'. 2023. № 6. S. 73–84.
5. Kirsanov A.I. S. Khantington o «stolknovenii tsivilizatsiy» v kontekste global'nykh transformatsiy // Filosofiya i obshchestvo. 2008. № 3. S. 32–43.
6. Nikandrov A.V. Ucheniye A.S. Panarina o global'noy nestabil'nosti i sovremennyy «politsentrichnyy» neoliberal'nyy mir // Filosofiya politiki i prava. Yezhegodnik nauchnykh rabot. Vyp. 11. Missiya Rossii v mirovom soobshchestve XXI veka. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Panarina. M.: Izdatel' A.V. Vorob'yev, 2020. S. 182–203.
7. Panarin A.S. Iskusheniye globalizmom. M.: Russkiy natsional'nyy fond, 2000. 374 s.
8. Panarin A.S. Pravoslavnaya tsivilizatsiya. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2014. 1248 s.
9. Panarin I.N. Informatsionnaya voyna i geopolitika. M.: Pokoleniye, 2006. 560 s.
10. Rastorguyev V.N. Tsivilizatsionnyy put' Rossii: Izbrannyye trudy. M.: Izdatel' A.V. Vorob'yev, 2022. 444 s.
11. Safranchuk I.A., Zhornist V.M., Nesmashnyy A.D. Gegemoniya i mirovoy poryadok: obzor kontseptsii «slozhnoy gegemonii» // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy. 2021. T. 16. № 1. S. 172–183.
12. Todd E. Posle imperii. Pax Americana – nachalo kontsa. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2004. 240 s.
13. Fukuyama F. Konets istorii? // Voprosy filosofii. 1990. № 3. S. 134–148.
14. Fursov A.I. Vpered, k pobede! Russkiy uspekh v retrospektive i perspektive. M.: Knizhnyy mir, 2015. 385 s.
15. Fursov A.I. Demokratiya v sisteme kapitalizma: sut', fasad, demontazh // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. 2013. № 4. S. 42–48.
16. Khantington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy. M.: AST, 2024. 640 s.
17. Khantington S. Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka. M.: ROSSPEN, 2003. 368 s.
18. Tsurkan E.G., Pogozhina N.N., Shcherbakova E.V. Konets istorii: kontsept ili ideologema // Filosofiya i obshchestvo. 2023. № 2. S. 32–48.
19. Huntington S.P. The United States // The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki. N.Y.: New York University Press, 1975. P. 59–118.
20. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki. N.Y.: New York University Press, 1975. 221 p.